

ДВЕ КАЛИТКИ

АРТЕМ САВЕНКОВ

16+

Артем Савенков

Две калитки

«Автор»

2026

Савенков А.

Две калитки / А. Савенков — «Автор», 2026

В двадцать лет Егор отдаёт чужим людям ключи от материнской квартиры. После детского дома он собирался жить как захочет. Теперь от этой жизни остались телевизор, два пакета вещей и заросшая дача. Потом по соседству поселяется Николай Петрович. Просит поддержать доску, зовёт на рыбалку, учит понимать землю. Егор понемногу привыкает, что его ждут. Однажды у него остаётся пятьдесят рублей. Он прячется дома, не находя слов для признания. Вечером на крыльце стоит тарелка с горячей едой. На хлебном пакете — карандашом: «Посуду потом». Из двух дворов вырастет общее дело. Из случайного знакомства — семья, которой прежде не было. Но вместе с надеждой приходит страх: теперь Егору есть что терять. «Две калитки» — роман о людях, которые становятся родными без всякого права на наследство. И о том, что остаётся в нас после тех, кто научил нас жить.

© Савенков А., 2026

© Автор, 2026

Артем Савенков

Две калитки

Артем Савенков

Две калитки

Роман

В двадцать лет Егор лишается квартиры. После детского дома он ждал свободы, а получил счета, долги и людей, которые знали, где ему поставить подпись. От прежней жизни остаются телевизор, два пакета вещей и дешёвая дача в Липовом Яру.

Больше года он почти не выходит из своего одиночества — пока сосед не просит подержать доску. С этого пустяка начинаются ранние рыбалки, работа на земле и дружба, которой не находится удобного названия. Два соседних двора становятся общим хозяйством. Впервые у Егора есть с кем говорить о завтрашнем дне.

Но заработать на дом ещё не значит научиться его беречь. Иногда, чтобы сохранить самое дорогое, нужно решиться на то, что всегда казалось слабостью: сказать другому человеку, что один ты не справляешься.

© Артем Савенков, 2026

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Человек без утра

Глава 1

Последний ключ

Ключ нагрелся в ладони. Егор держал его за круглую головку, а зубцы упирались в кожу между пальцами. На головке осталась полоска красного лака: когда-то мать пометила так нужный ключ, чтобы не путать с подвальным. Лак почти весь облез. Красное пряталось в углублении возле отверстия, и, если не знать, можно было принять его за ржавчину.

— Молодой человек, вы выходите? — спросили сзади.

Он отступил от дверей. Женщина с большим складным зонтом протиснулась мимо и задела его пакетом. Лифт закрылся, повёз её вверх. Показалось, что она едет к нему.

В подъезде пахло влажным бетоном и жареным луком. На первом этаже кто-то готовил обед. Этот запах Егор знал лучше, чем имена соседей: в полдень здесь начинали жарить, к вечеру открывали форточку, а зимой луковый дух поднимался до третьего этажа и стоял возле его двери. Теперь можно было не узнавать, кто готовит. Можно было вообще больше ничего здесь не узнавать.

Он вышел на крыльцо.

Посредник ждал у серой машины. На блестящей крыше сохли отдельные дождевые капли. Мужчину звали Виктор Сергеевич, но за последние дни Егор чаще слышал от него слова «я же тебе объяснял», чем собственное имя. Виктор Сергеевич был в светлой рубашке, с тёмным пятном под мышкой; возле уха торчал короткий седой волосок, который Егор почему-то всё время замечал.

— Давай ключи, — сказал он. — Люди рассчитывают заехать.

— Я там кружку оставил.

— Какую кружку?

— Синюю. На сушилке.

Виктор Сергеевич оглянулся на дверь подъезда, словно кружка могла выйти сама.

— Передадут. Садись.

Егор не сел.

На заднем сиденье лежал его телевизор, обёрнутый одеялом. Угол экрана выпирал из клетчатой шерсти. Рядом стояли два пакета: одежда и продукты. Сквозь прозрачный полиэтилен виднелась вскрытая пачка макарон. Ночью Егор сгрёб в пакет всё, что осталось на кухне, включая соль в открытой коробке. Соль рассыпалась по дну, облепила банку тушёнки и теперь белела на чёрной ручке сковороды.

Вся его жизнь поместилась на одном сиденье, но одеяло всё равно пришлось подоткнуть, чтобы закрыть дверь.

— Подписи стоят? — спросил Виктор Сергеевич.

Егор кивнул.

— Деньги получил?

Он опять кивнул. Внутренний карман куртки топорщился от конверта. Основную сумму перечислили через банк, потом из неё что-то уходило разными платежами. Виктор Сергеевич показывал экран, называл фамилии, долги и номера счетов. Егор соглашался. В конце ему выдали остаток наличными: «Так тебе спокойнее будет». Он не знал, спокойнее ли ему, но конверт шупал часто.

— Значит, вопрос закрыт. Чего стоим?

Над подъездом открылось окно. Женщина в светлом свитере поставила на подоконник горшок с каким-то плотным растением. Егор узнал свою кухню не сразу. В окне уже не было занавески, которая всё время цеплялась за ручку. На сушилке, наверное, стояла синяя кружка.

Женщина повернулась к кому-то внутри и засмеялась.

Егор вдруг вспомнил хлеб. Когда они поднимались за последними пакетами, на кухонном столе уже лежал чужой батон — белый, нарезанный, в шуршащем пакете с зелёными буквами. Рядом стояла бутылка растительного масла. Женщина принесла это заранее. Пока он вынимал из розетки провод телевизора, она складывала продукты в его шкаф.

Впрочем, шкаф уже не был его.

— Там ещё отвёртка, — сказал Егор.

Виктор Сергеевич вздохнул.

— Кружку и отвёртку передадут. Не переживай ты из-за ерунды.

Егор разжал ладонь. Ключ лежал поперёк красных следов, оставленных зубцами. Он поднёс его к пальцам мужчины, но в последнюю секунду перехватил, вытащил из кармана дешёвое кольцо с двумя оставшимися ключами и стал долго снимать нужный. Кольцо было тугое. Ноготь побелел, на коже появилась царапина.

— С кольцом давай.

— Там от почты.

— Ну и что тебе теперь эта почта?

Он всё-таки снял ключ.

Виктор Сергеевич спрятал его в карман и тут же заговорил по телефону. Голос у него переменялся: сделался бодрым и каким-то гладким. Он сообщил кому-то, что «всё нормально, парень адекватный», затем открыл водительскую дверь.

Егор сел рядом. На полу лежала бумажная салфетка, свёрнутая в грязный шарик. Он поставил ноги по сторонам от неё. В машине было жарко и пахло сладким освежителем. Под зеркалом болтался плоский зелёный лист, напоминающий сосну только по напечатанному слову.

— Куда теперь? — спросил Виктор Сергеевич, закончив разговор.

Егор посмотрел на него.

— В смысле?

Мужчина слегка откинулся, внимательно его разглядывая.

— Егор. Мы же обсуждали. Тебе надо решить, где жить. Я не могу с тобой весь день кататься.

Утром ему казалось, что именно это и будет происходить: Виктор Сергеевич знает дальнейший порядок и скажет, когда нужно выходить, где подписывать, что брать с собой. Последние несколько дней всё шло таким образом. Егор только боялся опоздать к назначенному часу. Теперь обнаружилось, что порядок кончился у его подъезда.

Он вынул телефон. Экран был в жирных отпечатках, на зарядке оставалось семнадцать процентов. В закладках нашлось объявление: «Домик, десять соток, свет, печь. Липовый Яр». Фотография открывалась медленно. Под синей небесной полосой стояло серое строение, наполовину закрытое сливовой порослью.

— Вот, — сказал Егор и протянул телефон.

Виктор Сергеевич взглянул.

— Дача? Там зимой живут вообще?

— Написано, печь.

— Звони.

Человек из объявления ответил после пятого гудка. В трубке громыало железо; Егор дважды переспросил цену, хотя она была написана перед глазами. Человек сказал, что цена окончательная, и если смотреть сегодня, то приезжать надо до четырёх, потому что потом ему на смену.

— Сейчас приеду, — сказал Егор.

— На чём?

— На машине.

Виктор Сергеевич отрицательно покачал головой. Егор отвернулся к окну.

— На автобусе. Как там с остановки?

Пока ему объясняли дорогу, машина выехала со двора. Он попытался посмотреть назад, но помешал подголовник. Между домами мелькнула детская площадка, на которой он никогда не сидел, ларёк с закрытыми ставнями, куча мокрого песка возле подъезда. Затем всё исчезло за поворотом.

У автостанции Виктор Сергеевич помог вынуть телевизор. Вынул осторожно, двумя руками, и Егор испытал к нему внезапную благодарность. Пока одеяло переносили через лужу, ему хотелось сказать что-нибудь хорошее. Мужчина поставил свёрток под навес, вытер ладони и посмотрел на часы.

— Смотри только, опять не вляпайся, — сказал он.

Егор остался на скамейке. Автобус до Липового Яра уходил через сорок минут. У кассы висело расписание, приколотое к деревянной доске; нижний угол бумаги отсырел и загнулся. Он купил билет, вернулся к вещам и стал считать, сколько стоит провезти телевизор. Спросить об этом в кассе он забыл.

В кармане нащупалась банковская карта. Пластиковый угол давно обломился, и по золотистым буквам прошла серая полоса. Когда её выдали, буквы блестели. Девушка за стойкой тогда сказала: «Вы сами распорядитесь лимитом».

Сами.

Егор повертел карту, сунул обратно и прижал к ноге пакет с макаронами, чтобы его не унесло ветром. Сквозь дырочку в пакете просыпалось немного соли. Он сгреб её ладонью с мокрой скамейки, потом перестал: всё равно некуда было деть.

Глава 2

Квартира после интерната

В день, когда Егор вернулся в квартиру насовсем, на дверном косяке обнаружилась вмятина. Прежде её не было — во всяком случае, он не помнил. Небольшая, с тёмным дном, точно

кто-то ударил углом тяжёлой мебели. Он провёл по ней пальцем и долго стоял в коридоре, не решаясь поставить сумку.

Надежда Викторовна сказала:

— Ну что, хозяин, показывай, где чай будем пить.

Она приехала с ним из учреждения, хотя это уже не входило ни в какие её обязанности. Егор понял это позднее. В тот день ему казалось естественным, что кто-нибудь довезёт, откроет дверь, проверит краны и объяснит соседям, кто здесь теперь будет жить.

Ключ с красной отметиной долго не поворачивался. Надежда Викторовна взяла его, чуть приподняла дверь за ручку, и замок поддался. Она делала такие вещи уверенно, без раздражения, как будто квартира была ещё одним ребёнком, которому нужно помочь одеться.

Мать умерла, когда Егору исполнилось восемь. Отец существовал в двух невнятных рассказах и в строчке документа, которую он однажды увидел поверх чужого стола. Материнскую квартиру Егор унаследовал; все эти годы она оставалась за ним. Кто следил за счетами и оформлял бумаги, он толком не знал. Слова «твое жильё» произносили достаточно часто, чтобы он запомнил: есть место, которое его ждёт.

Ему представлялось, что там всё осталось, как прежде.

В действительности остались шкаф, стол, кухонный гарнитур и диван, обтянутый коричневой тканью. От прежней жизни сохранился запах внутри шкафа: сухой, пыльный, с едва заметной сладостью старого мыла. Егор открыл дверцу и сразу закрыл. Надежда Викторовна в это время проверяла воду, и можно было сделать вид, что он просто смотрел, работает ли петля.

— Постельное есть?

— В сумке.

— Подушка?

— Есть.

— Запас продуктов на первое время купили. Тут разберёшься. За свет показания не забывай передавать. Я тебе листочек оставляю.

Она написала несколько телефонов и дат на обороте старого календаря. Егор смотрел, как шариковая ручка оставляет на глянцевой бумаге прерывистый след. Спросить, куда именно передавать показания, было неловко. Она уже объясняла это по дороге; он запоминал первые две фразы, затем начинал думать, каково будет проснуться без команды.

На кухне они выпили чай из разных кружек. Надежда Викторовна села на край табурета, оставив пальто на коленях. Она хотела успеть на обратный автобус. Егор видел, что ей пора, и старался не предлагать ещё чаю. В то же время он медленно ел пряник, крошил его на блюдце и надеялся, что она посидит, пока он не доест.

— Телефон мой у тебя есть, — сказала она на пороге. — Если что-то непонятно, звони.

— Да всё понятно.

— Егор.

Он поднял глаза.

— Непонятно бывает всем.

Она улыбнулась, поправила ему воротник куртки, хотя дома было тепло, и ушла.

Первые минуты он слышал её шаги на лестнице, потом разговор с кем-то на площадке. Хлопнула подъездная дверь. Он ещё постоял, приложив ладонь к замку, затем повернулся.

Квартира была целиком его.

Он включил воду в ванной и оставил течь просто потому, что мог. Отломил от батона большой кусок, не нарезая. Включил телевизор, который Надежда Викторовна помогла привезти из магазина, и стал переключать каналы. Никто не сказал, что нужно поставить тарелку, убрать куртку, сначала поесть суп. На спортивном канале шёл матч, на соседнем мужчина что-то сверлил, потом показывали рекламу окон.

Егор смеялся один. Не над передачей — от лёгкости.

Почти до утра он лежал поперёк дивана, смотрел фильмы и ел из пакета печенье. За окном редели машины, светлело стекло. Он видел рассвет впервые за много лет без ощущения, что надо вставать. В половине шестого выключил звук, подумал о том, как сейчас в учреждении зажигают свет в коридоре, и уснул с телефоном на груди.

Проснулся после полудня. На кухне в раковине стояла кружка с чайной плёнкой. Он взял другую.

Так начались первые недели.

У него был запас денег. В учреждении объясняли, откуда он взялся, выдавали документы, говорили о будущем, но будущее занимало в этих разговорах слишком много времени. Самым понятным оказалось приложение в телефоне: там показывали сумму, которая не менялась, пока ничего не покупаешь. Она казалась огромной. В учреждении Егор почти не видел, как заканчиваются деньги: еда появлялась на столе, лампочки меняли, отопление включали осенью. Теперь за всё это приходилось платить самому, по отдельности, каждый день.

В первый месяц он купил хороший телефон. Во второй — новые кроссовки. Потом маленькие колонки для телевизора. Раз в несколько дней ходил за продуктами, выбирая то, что не нужно долго готовить. Когда хотел супа, покупал готовый в кулинарии, но чаще ел пельмени. На упаковке было написано время варки. Это нравилось: ничего не нужно угадывать.

Квитанции появились в почтовом ящике не сразу.

Первый конверт он принёс домой вместе с рекламой магазина мебели и положил на стол. На конверте стояла его фамилия. Егор рассматривал её с тем странным удовлетворением, какое испытывал всякий раз, обнаруживая себя в официальном мире. Ковалёв Егор Андреевич. Самостоятельный человек. Собственник.

Содержимое его разочаровало. Там перечислялись услуги, о которых он не просил. Содержание общего имущества. Отопление. Какая-то вода, хотя воду он и так видел в кране. Он подумал, что это письмо для прежних жильцов или ошибка.

Квартира принадлежала ему. За неё уже всё когда-то заплатили. С такой уверенностью он жил с детства; иначе почему взрослые говорили, что жильё есть и с этим вопросом можно не беспокоиться?

Он отложил бумагу под телевизор, чтобы потом позвонить Надежде Викторовне.

Через несколько дней она позвонила сама.

— Как устроился?

— Нормально.

— Готовишь?

— Да.

— Что готовишь?

— Всё.

Она тихо засмеялась.

— На работу не смотрел ещё?

— Смотрю.

К тому времени он действительно открыл несколько объявлений. Одно даже сохранил. Поэтому ответ не показался ложью.

— Деньги распределяй, Егор. Ты запиши, что обязательно в месяц, а потом остальное.

— У меня пока хватает.

Она помолчала. Из трубки слышались голоса, хлопали двери, кто-то звал её по имени.

— Ну хорошо. Только не пропадай.

— Не пропаду.

Поговорить о квитанции можно было в этот момент. Егор уже снял её с полки, расправил лист. Но по голосу Надежды Викторовны чувствовал, что она торопится, и представил,

как после его вопроса начнётся новое объяснение. Нужно будет признаться, что он не понял первого. Что не знает, где платить и почему сумма похожа на плату за чужую квартиру.

Он спросил, как у них дела. Выслушал короткий ответ. Пожелал хорошего дня.

После разговора стало неприятно, и он прибавил звук.

Под телевизором скопилось несколько листов. Чтобы взять нижний, нужно было приподнять подставку. Егор каждый раз думал, что сделает это, когда станет вытирать пыль. Пыль тоже можно было пока не вытирать.

Летом он перестал помнить, какой сегодня день недели. Раньше каждый день отличался: воспитатель, занятия, дежурство, прогулка. Теперь отличались только передачи. По одной из них он узнавал, что наступило воскресенье, но и это не было важно.

Однажды утром ему приснилось, что в коридоре уже все построились, а он никак не может найти второй ботинок. Он проснулся от собственного сердцебиения, сел на диване и несколько секунд прислушивался. Никого. Только холодильник работал на кухне, а во дворе отрывисто лаяла собака.

Егор лёг обратно, подтянул одеяло к подбородку и улыбнулся.

Можно было никуда не идти.

Глава 3

Деньги, которые пока чужие

Работу Егор нашёл осенью. Объявление висело на двери магазина: требовался подсобный рабочий в мастерскую, без опыта. Слова «без опыта» обнадеживали. Он позвонил прямо с улицы, чтобы не успеть передумать.

Мастерская находилась на окраине, в длинном кирпичном здании с низкими воротами. Во дворе стояли железные листы, на которых после дождя проступили бурые узоры. Мужчина по имени Геннадий провёл Егора между верстаками и показал раздевалку.

— Ничего сложного, — сказал он. — Поднести, убрать. Если не понимаешь — спрашивай.

Первый день прошёл неплохо. Егор вымел стружку, помог перенести раму, съездил с водителем за крепежом. К вечеру ныли ноги. Дома он долго стоял под горячей водой и потом съел целую кастрюлю макарон с сосисками. Усталость была приятная: день получил очертания, и Егор даже представил, как купит себе нормальный стол, стул на колёсиках и ещё кое-что.

На третий день он перепутал детали.

Ему сказали принести с дальнего стеллажа одинаковые на вид металлические уголки. Уголки отличались толщиной. Он не заметил, взял верхние. Геннадий заметил, когда часть работы уже сделали.

— Ты глазами смотришь или чем? — спросил он громко, при остальных.

Егор почувствовал, как горячее поднимается к ушам. В мастерской внезапно стало тесно. Кто-то у другого верстака засмеялся — вероятно, над своим разговором, но Егор этого уже не разобрал.

— Мне сказали со стеллажа, — ответил он.

— А подумать можно было?

Он хотел объяснить, что ни разу не видел эти детали, что ему никто не показал разницу и что он думал как раз правильно. Вместо этого стал молча вытаскивать уголки из ящика. Один выскользнул, ударил по ноге. Он дёрнулся, и Геннадий сказал ещё что-то.

Вечером Егор шёл до остановки, раз за разом проговаривая ответ, которого не произнёс. Ответ становился всё точнее. В автобусе он уже говорил Геннадию, что не обязан терпеть унижения. Дома сообщил это вслух пустой кухне.

Утром выключил будильник.

Через час позвонили из мастерской. Он смотрел на экран, пока звонок не прекратился. Потом пришло сообщение: «Ты где?» Он написал «заболел» и лёг. К вечеру заболеть не получилось, зато возникло ясное убеждение, что возвращаться теперь уже поздно.

Ещё несколько дней он думал забрать оплату за отработанное. Нужно было прийти, встретить Геннадия, услышать вопрос, почему не сообщил. Он откладывал, пока сумма не перестала казаться достаточной платой за предстоящий стыд.

Когда Надежда Викторовна спросила о работе, он сказал, что пока ищет что-то другое.

Деньги уходили тихо. Большая покупка оставляла впечатление, а обычная жизнь — почти нет. Банка кофе, средство для посуды, пополнение телефона, автобус, хлеб. Егор мог вспомнить цену кроссовок, но не знал, сколько потратил на еду за неделю. Стоило сумме на экране стать неприятной, он закрывал приложение.

Кредитную карту ему предложили перед Новым годом.

В торговом центре было душно, пахло выпечкой и новой пластмассой. Между магазинами поставили небольшую стойку. Девушка в белой блузке спросила, есть ли у него минутка, и назвала его молодым человеком так приветливо, что он остановился.

— Смотрите, вы ничего не теряете, — сказала она. — Это просто резерв. Пользуетесь, когда нужно.

Она задавала вопросы, печатала, просила назвать код из сообщения. Егор отвечал. На экране у неё появлялись зелёные отметки. Всё выглядело как проверка, которую он успешно проходит.

— Одобрено, — сказала девушка с искренней, как ему показалось, радостью.

Ему тоже стало приятно.

В учреждении одобряли поведение, оценки, участие в мероприятиях. Здесь одобрили его самого, по каким-то взрослым признакам. Позволили распоряжаться деньгами, которых прежде не было.

— А сколько в месяц?

Она показала строчку. Число было небольшое.

— Главное, не пропускайте обязательные платежи. Всё будет в приложении. И вот здесь условия.

Условия заняли несколько экранов. Он пролистал до места, где нужно было поставить отметку.

Карту положили в конверт, дали памятку. Девушка пожелала хороших праздников. Егор пошёл через торговый центр, чувствуя во внутреннем кармане лёгкий прямоугольник.

Сначала он действительно хотел оставить его про запас. Потом увидел колонки со скидкой. Старые ему уже не нравились: когда прибавлял звук, они дребезжали. В магазине консультант включил музыку, бас отозвался где-то под рёбрами, и Егор подумал, что дома будет совсем по-другому. Рассчитываться оказалось проще, чем он ожидал. Никаких вопросов. Телефон коротко пискнул.

Потом он купил зимнюю куртку. Еды к празднику. Подарок Серёге, с которым когда-то жил в одной комнате.

Серёга приезжал несколько раз. Садился на диван, вытягивал ноги и говорил, что Егору повезло: своя хата, никто не дёргает. Они смотрели фильмы, ели заказанную пищу. Егор старался, чтобы Серёге понравилось. Доставал чистые стаканы, которых для себя не искал, выносил мусор перед его приходом.

Однажды Серёга попросил одолжить денег.

— На пару дней. Я точно отдам.

Егор перевёл. Позднее Серёга написал, что задержали расчёт, потом сменил номер. Несколько месяцев спустя они случайно встретились у магазина. Серёга обрадовался, обнял

его, принялся рассказывать, как неудачно сложилась работа. О долге не упомянул. Егор тоже промолчал: было страшно, что сейчас разговор кончится.

Зимой впервые не прошёл платёж за связь. Собственные деньги почти закончились. Егор переложил часть расходов на карту и почувствовал облегчение: появилась отсрочка. Приложение показывало доступный остаток, и он постепенно стал воспринимать его как то, что у него есть.

Письма под телевизором стали толще.

Потом позвонила женщина из управляющей организации. Она говорила устало, без угроз, спрашивала, проживает ли он в квартире и знает ли о задолженности. Егор сказал, что разберётся. Женщина предложила прийти. Он записал адрес на той самой памятке, которую дали с картой, положил возле телефона и больше не посмотрел.

Когда он в конце концов открыл все письма, сразу разобраться не получилось. Суммы повторялись, какие-то были итоговыми, какие-то отдельными. Он сложил всё, что видел, получил страшную цифру и решил, что должен именно столько. Потом попробовал посчитать ещё раз, запутался и отложил.

Начались звонки из банка. Вначале он отвечал вежливо и говорил, что скоро заплатит. Затем перестал понимать, какой именно долг обсуждают. Голоса менялись, вопрос оставался. Одни говорили спокойно, другие позволяли себе раздражение. Иногда за день звонили с нескольких номеров, и Егор отключал звук.

Под конец второй зимы в квартире ему исполнилось двадцать. Егор купил себе маленький торт.

Торт оказался слишком сладким. Половину он съел, другую оставил в коробке на кухне. К вечеру крем подсох. На телефоне было одно поздравление от Надежды Викторовны и семь пропущенных вызовов.

Он написал ей «спасибо» и поставил смайлик. Подумал рассказать о долгах, но решил сначала привести всё в порядок, чтобы она не волновалась.

Через несколько недель позвонили в дверь.

Егор смотрел в глазок долго. На площадке стояли двое мужчин. Один держал папку, второй — телефон. Мужчина с папкой заметил, как потемнел глазок, и приблизился.

— Ковалёв? Открывай. Давай уже разбираться.

Глава 4

Подпись внизу страницы

Мужчину с папкой звали Аркадий. Он представился быстро и показал карточку, которую Егор не успел прочесть. Второй стоял у окна, рассматривал двор и почти не участвовал в разговоре. Из-за него беседа казалась опаснее: молчаливый человек будто отвечал за что-то, что пока не потребовалось.

Аркадий прошёл на кухню без приглашения. Пальто снимать не стал. Положил папку возле коробки с засохшим тортом, посмотрел на неё и спросил:

— Праздновал?

Егор убрал коробку в холодильник.

— Я собираюсь платить.

— Когда?

— Как устроюсь.

— Отлично. Где работаешь сейчас?

— Пока нигде.

Аркадий кивнул, словно получил нужный ответ. Из папки появился лист с напечатанными суммами. Часть из них Егор узнавал. Рядом стояли другие, незнакомые. Он потянулся за листом, но мужчина придержал его ладонью.

— Я тебе сейчас объясню. Только слушай внимательно.

Потом он говорил минут двадцать. Егор не мог позднее восстановить порядок. Были суд, приставы, расходы, какая-то ответственность, которую он уже якобы на себя взял, и слова о том, что ситуация почти вышла из-под контроля. Иногда Аркадий задавал вопрос и сам отвечал, не дожидаясь.

— Ты здесь один живёшь? Понятно. Родственников нет? Понятно.

При слове «родственники» Егор заметил, как второй мужчина перестал смотреть в окно.

— Мне надо посмотреть, — сказал Егор.

— Смотреть раньше надо было. Тебе звонили?

— Звонили.

— Ты отвечал?

Он пожал плечами.

— Вот именно. А теперь мы время тратим, чтобы у тебя вообще что-нибудь осталось.

После их ухода квартира стала чужой ещё до продажи. Егор ходил из комнаты на кухню, открывал холодильник и закрывал. На столе остался лист, которым ему разрешили пользоваться. Номер телефона был дописан шариковой ручкой. Он несколько раз набирал цифры Надежды Викторовны, стирал и снова смотрел на лист.

Она ведь предупреждала. Про работу, деньги, платежи. Теперь придётся рассказать всё сразу, и в её молчании он заранее слышал разочарование. Оно представлялось страшнее Аркадия: тот был чужой, его мнение не требовалось сохранять.

На следующий день пришёл Виктор Сергеевич.

Он говорил мягче. Сел на кухне, попросил воды, поблагодарил. Полистал бумаги и долго покачивал головой. При нём Егор впервые смог немного расслабиться.

— Тебя, конечно, запустили, — сказал он. — Никто не объяснял, как жить-то.

Это было похоже на понимание.

Виктор Сергеевич предложил выход. Квартира большая для одного, расходы тянут вниз. Если продать сейчас, можно погасить обязательства и приобрести жильё проще. Какое именно жильё, он не уточнял. Произносил слово «дешевле» так, будто речь шла о соседнем магазине, где тот же хлеб стоит на пять рублей меньше.

— А если не продавать?

Виктор Сергеевич убрал бумаги в папку.

— Тогда я даже не знаю, чем тебе помочь.

Несколько дней в квартире появлялись люди. Они открывали окна, трогали стены, заглядывали под раковину. Одна женщина сказала, что здесь всё менять. Мужчина, приехавший с ней, постучал по подоконнику и поморщился. Егор сидел на диване, подняв ноги, чтобы не мешать проходить, и слушал, как оценивают его жизнь.

Ему запомнился ещё один покупатель, молодой, с аккуратной бородой. Тот прошёл по комнате, заглянул в кухню и спросил:

— А чего так дешево?

Виктор Сергеевич ответил за Егора:

— Срочная продажа. Человеку нужно переезжать.

После этих слов покупатель начал торговаться.

Потом Егора возили подписывать документы. В помещениях стояли кулеры с водой, на столах лежали одинаковые ручки на цепочках. Люди обращались к нему по имени и отчеству и просили подтвердить то, чего он не понимал целиком. Он всякий раз думал, что сейчас нужно задать вопрос. Но сзади ждал Виктор Сергеевич, документы уже были приготовлены, а очередная подпись должна была сделать страшную историю короче.

Егор подписывал.

Одна сотрудница задержала его взгляд.

— Вы условия понимаете?

Он кивнул слишком быстро.

— Меня всё устраивает.

Она ещё секунду смотрела на него. Виктор Сергеевич сказал что-то о запланированном переезде. Женщина вернулась к бумагам.

Той ночью Егор почти не спал. Собирал вещи, потом разбирал собранное, потому что находил нужное внизу. Несколько раз открывал шкаф. Там ещё пахло старым мылом. В дальней части лежал женский шарф, тонкий, серо-голубой, с бахромой. Он не знал, носила ли его мать или шарф появился позже, но положил в пакет с одеждой.

Перед рассветом выключил телевизор. В наступившей тишине было слышно, как вода проходит по трубам. Вверху кто-то вставал на работу: звякнула чашка, сдвинули стул. Квартира продолжала жить обычной жизнью, и это казалось неправильным.

Он сел на полу возле стены, где остался светлый прямоугольник от телевизора, и впервые попытался посчитать всё сам. Деньги от продажи, вычеты, расчёты, остаток. На бумаге получалось одно, в банковском приложении другое. Часть платежей была подписана непонятными словами. Ему захотелось позвонить Виктору Сергеевичу и попросить объяснить ещё раз.

Вместо этого он положил телефон экраном вниз.

К утру в дверь позвонили. Приехали новые хозяева с рулеткой и пакетом продуктов. Женщина извинилась, что рано. Мужчина спросил, всё ли вывезено. Егор сказал: «Почти».

Телевизор они спустили вдвоём с Виктором Сергеевичем. Одеяло пришлось взять с дивана. Пока Егор подтыкал угол, женщина измеряла кухонный шкаф. Потом положила на стол хлеб.

У подъезда он обнаружил ключ в ладони.

И только в автобусе до Липового Яра, когда город уже кончился и за стеклом потянулись склады, понял, что квартира действительно продана. Раньше это было действие в бумагах, которое кто-нибудь ещё мог остановить. Теперь остановить было некому.

Автобус трясся. Телевизор занимал соседнее место, и кондукторша велела оплатить багаж. Егор протянул деньги, получил два билета и сложил их вдвое. За окном лежала весенняя земля: тёмная, сырая, почти пустая. На дальнем поле стоял одинокий трактор. Егор смотрел на него, пока тот не превратился в чёрную точку.

Впереди у него был домик, который он видел только на фотографии.

Глава 5

Десять соток тишины

До участка они шли вдоль канавы. Продавец шагал быстро, коротко притоптывая по рыхлому краю дороги. Егору было неудобно: телевизор он оставил возле магазина под присмотром продавщицы и теперь думал, не мешает ли тот покупателям. Мужчина из объявления уверял, что здесь никто чужое не тронет.

Его звали Леонид. На куртке над левым карманом белела полоска, где прежде была нашивка. Он рассказывал о дороге, соседях, воде и автобусах, почти не поворачивая головы.

— У нас село, участки при домах. Личное хозяйство можно держать, в документах увидишь. Народ по привычке дачами зовёт. Кто на лето приезжает, кто насовсем. Магазин круглый год. Свет есть. Печь нормальная.

— А вода?

— Колонка вон там. Видишь синее? Летом шланг кинуть можно, договоришься. У меня здесь никто давно не жил.

Калитка не открылась. Леонид приподнял её за нижнюю перекладину, толкнул коленом и впустил Егора во двор. Трава была мокрая. Несколько прошлогодних стеблей достали ему до

груди. От крыльца к воротам тянулась узкая вытоптанная дорожка, вероятно, после недавних покупателей.

Дом оказался меньше, чем на фотографии. У него была одна комната, крохотная кухня и холодные сени с прибитой к стене полкой. На полке лежали пустая банка, клубок верёвки и пожелтевшая пачка семян. Под потолком висела лампочка без абажура.

Леонид открыл ставни. Стекло изнутри покрылось мелкими светлыми пятнами — там, где снаружи прилипли засохшие листья. В углу стояла печь, белёная до половины. Возле топки виднелась чёрная борозда.

— Это не дымит, — сказал Леонид, проследив за взглядом. — Дверцей царапнули. Смотри.

Он провёл пальцем по штукатурке, показал чистую подушечку. Егор кивнул.

Мебель оставляли. Диван, стол, два стула — один без спинки, кухонный шкаф. В шкафу нашлись кастрюля и алюминиевый ковш. От вещей пахло дачей, как представлял её Егор: прошлогодними газетами, мышами и сухим деревом. Он почувствовал странное облегчение. В этих запахах не было ни кредитной карты, ни знакомого подъезда, ни людей, которые каждый день напоминали, что он что-то сделал неправильно.

— Зимой тут как? — спросил он.

— С печкой тепло. Дрова нужны, естественно.

Естественность дров Егор осмыслил только осенью.

За домом росли две яблони. Одна почти горизонтально протянула ветку над кустами. Дальше начиналась густая поросль, за которой угадывался забор. Соседний участок был аккуратнее: старые грядки, сарай, небольшой дом с зелёными наличниками. Окна закрыты.

— Здесь кто?

— Петрович. Наездами. Рукастый мужик. Если что с печью — спросишь.

Леонид проверил время.

— Ну что, смотреть будешь ещё? Я на смену опоздаю.

Егор стоял посреди двора и пытался представить себя здесь. Представилось, как поставит телевизор у окна и ляжет на диван. Остальное можно было сделать потом.

Оформление заняло несколько дней. Леонид привёз документы, человек в городской конторе объяснял назначение подписей, девушка у окна приёма спросила телефон. Егор замечал подробности, которые не помогали понимать: скол на краю стола, белую нитку на чужом рукаве, детский рисунок возле принтера. В этот раз его никто не запугивал. Можно было остановиться и разобраться. Но привычка соглашаться оказалась сильнее облегчения.

После покупки и последних расходов у него осталось немногим больше ста шестидесяти тысяч.

Он пересчитал деньги дважды, часть положил на карту, часть завернул в старую футболку и спрятал в шкаф. Получилось два запаса. Из-за этого казалось, что денег больше.

В день окончательного переезда шёл мелкий дождь. Вещей было мало, и перевозчик, согласившийся подбросить от остановки, спросил, всё ли это.

— Пока всё, — ответил Егор.

Он сказал «пока», чтобы у человека не возникло ненужного мнения о нём.

Телевизор встал на перевёрнутый ящик. Удлинитель дотянулся до розетки, но за окном плохо ловилась антенна. Полчаса Егор переставлял её, поворачивал, держал за проволоку. На одном канале появилось изображение, на другом вместо лиц тянулись цветные полосы. Когда удалось настроить третий, он испытал гораздо больше удовлетворения, чем от завершённой покупки.

Вечером он впервые приготовил еду на новой кухне. Электрическая плитка долго пахла пылью. Вода в кастрюле закипала неравномерно, пузырями с одной стороны. Егор насыпал

макарон, потом открыл банку тушёнки. Крышку выбросил в ведро, которое нашёл в сенях. Ведро было без дна, и крышка звякнула о пол.

Он постоял, глядя вниз, потом рассмеялся.

Здесь можно было ошибиться, и никто об этом не узнавал.

Пока ел, за окном окончательно стемнело. Дождь постукивал по подоконнику. В городской квартире свет от фонаря попадал в комнату даже сквозь занавеску; здесь стекло сделалось совершенно чёрным. Егор несколько раз подходил к нему, закрывал лицо ладонями и пытался увидеть двор. В темноте стояли яблони. Дальше ничего не было видно.

Он принёс одеяло, лёг на диван и стал смотреть передачу, в которой люди выбирали дорогой дом у моря. Женщина в белых брюках ходила по просторной кухне и говорила, что ей не нравится цвет шкафов. Егор смотрел без зависти. У неё были свои сложности, у него свои. Неприятнее было думать, что утром нужно опять идти к колонке.

Спать оказалось холодно. Он натянул носки, укрылся курткой и пообещал себе разобратся с печью завтра. Но утром выглянуло солнце, дом быстро нагрелся, и печь перестала казаться необходимой.

Он вышел на крыльцо с кружкой растворимого кофе.

За забором кричали птицы. На соседней улице кто-то завёл машину, затем двигатель удалился. С мокрых ветвей падали отдельные тяжёлые капли. Перед Егором лежала земля, за которую он заплатил. Целых десять соток. Он не представлял, много это или мало, но звучало внушительно.

Присев на ступеньку, он поставил кружку рядом и заметил муравья, который тащил по доске мёртвого комара. Комар цеплялся крыльями за древесные волокна. Муравей останавливался, менял направление и опять тянул. Егор наблюдал за ним довольно долго. Потом допил кофе и вернулся в дом, потому что начиналась передача.

До полудня никто не позвонил.

К вечеру он понял, что здесь можно провести целый день и ни разу не услышать своего имени.

Глава 6

Лето без погоды

Лето началось с того, что Егор перестал запира́ть калитку. Она всё равно не закрывалась нормально: нужно было приподнимать, как показал Леонид. Он решил, что пока сойдёт, и поставил изнутри старую лопату поперёк прохода.

Лопату Егор обходил каждый раз, возвращаясь из магазина. Иногда ругался на неё. Убрать и починить калитку в его рассуждениях были двумя разными делами, и ни до одного не доходила очередь.

Магазин стоял возле автобусной остановки. Рядом с дверью росла сирень, под которой валялись пластиковые крышки и две старые шины. Внутри пахло хлебом, стиральным порошком и колбасой. За прилавком работала Татьяна, полная женщина с короткими волосами. Узнав Егора, она перестала спрашивать, нужен ли пакет.

— Опять макароны?

— А что?

— Ничего. Помидоры свежие привезли.

Он посмотрел на цену и взял банку горошка.

Татьяна пробивала покупки неторопливо. У кассы стояла тетрадь с фамилиями. Егор спросил однажды, что это.

— Долги, — сказала она. — Тебе не надо.

Он кивнул так, будто с готовностью соглашался с хорошим советом.

Вначале покупки ещё доставляли удовольствие. Можно было выбрать печенье, купить йогурт, иногда мороженое. Он приносил продукты, выкладывал на стол и смотрел, как заполняется пустой дом. В холодильнике постепенно скапливались открытые банки. Если появлялся неприятный запах, Егор выбрасывал ту, которая стояла ближе, и считал вопрос решённым.

Дни были похожи, но он замечал это редко. Просыпался, когда в комнате становилось слишком жарко. Перекидывал подушку к другому концу дивана, чтобы солнце не светило в лицо. Включал телевизор. Ел то, что оставалось со вчерашнего дня, либо ставил кастрюлю. Между рекламами ходил в туалет за домом, потом возвращался, обязательно прихватив с кухни что-нибудь ещё.

Носки он сушил на гвозде возле окна. Когда гвоздь выпал, положил их на подоконник. Стирку откладывал, пока не находилось ничего чистого. Тогда наливал воду в таз, сыпал порошок и долго мyal одежду руками, сердясь на то, сколько сил требует обыкновенная футболка. После стирки несколько часов болела спина: таз стоял низко.

Однажды в телевизоре показывали передачу о людях, живущих без денег. Они строили дома из земли и рассказывали, как отказались от ненужного потребления. Егор посмотрел вокруг, на облупленный шкаф и таз под столом, и почувствовал, что его жизнь тоже могла бы считаться каким-то выбором. От этой мысли стало легче.

Он даже решил, что горожане зря тратят силы на работу. Здесь тихо, еда недорогая, никому ничего не нужно доказывать.

На следующий день сломался электрический чайник.

Пришлось идти за новым, потом возвращаться к колонке, потому что вода кончилась. У колонки стояла женщина в мужской клетчатой рубашке. Она набирала воду в два больших бидона и поглядывала на Егора.

— Ты Леонидов дом купил?

— Да.

— Я Галина. Через два от тебя. Сливы у тебя там хорошие. Только вырезать всё надо.

— Ага.

— Могу секатор дать.

Егор представил, как нужно будет идти за секатором, спрашивать, чем резать, отдавать обратно, благодарить. Его собственные сливы висели где-то в колючей глубине участка, и до сих пор он не испытывал в них нужды.

— Потом займусь, — сказал он.

— Потом у них уже поросль в окно полезет.

Галина закрыла кран, взяла бидоны и ушла. Он ждал, пока она скроется за поворотом, хотя мог давно набирать воду.

В июле почти каждый день слышались чужие голоса. Соседи приезжали на выходные, заводили триммеры, ругались из-за шлангов. Иногда жарили мясо. Запах перебирался через забор, ложился на подоконник и мешал есть макароны. Егор выходил во двор, прислушивался. Люди смеялись, передавали кому-то хлеб, звали детей. Он стоял несколько минут и возвращался.

Серёга позвонил в середине месяца.

— Ты где пропал?

— На даче.

— Круто. А городская что?

Егор помолчал.

— Продал.

— Серьёзно? За сколько?

— Да так.

Серёга захотел приехать. Егор сказал, что пока негде разместиться: ремонт. Это слово пришло само. Он говорил о ремонте уверенно, описывал будущую кухню и обещал позвать, как закончит. После разговора некоторое время сидел с телефоном, не зная, почему ему так тяжело. Никакого ремонта он не собирался делать.

В августе случился сильный дождь. Вода начала капать возле печи. Сначала редко, потом быстрее. Егор поставил тарелку. Капли били по дну с чистым звуком, и он прибавил телевизор, чтобы не слышать. Когда тарелка наполнилась, вылил воду на крыльцо и поставил обратно. К ночи пришлось взять кастрюлю.

Наутро крыша высохла. Кастрюля осталась стоять.

Деньги он доставал из разных запасов. Сначала тратил с карты. Потом, когда смотреть на остаток стало неприятно, взял наличные из шкафа. Футболка, в которую они были завернуты, теперь лежала неровно, и он всякий раз поправлял её так, чтобы свёрток выглядел толще.

Однажды Татьяна спросила:

— Ты нигде не работаешь, что ли?

Егор почувствовал знакомое раздражение.

— Сейчас нет.

— А дальше как?

— Посмотрим.

Она не стала продолжать, но он несколько дней выбирал для магазина время, когда у кассы было побольше людей.

К концу августа высокая трава легла в разные стороны. Сливы начали падать. Те, что лежали на открытом месте, Егор подбирал и ел, вытирая о футболку. До остальных нужно было добираться через заросли. Однажды он взял ведро, дошёл до дерева, поцарапал руку и решил, что пока хватит того, что у дорожки.

Ведро осталось возле ствола. Осенью в нём почернела вода и плавали утонувшие осы; Егор проходил мимо до самого снега.

А пока лето продолжалось. Тепло держалось до позднего вечера, и дом не требовал ничего, чего нельзя было отложить.

Егор засыпал под работающий телевизор. Иногда просыпался среди ночи от чужого смеха в студии и на несколько мгновений не понимал, кто находится с ним в комнате.

Потом узнавал голоса, поворачивался к стене и спал дальше.

Глава 7

Печь, которую надо кормить

Первые холода вошли в дом снизу. Егор заметил это однажды утром, когда поставил босые ноги на пол. Воздух ещё был тёплым, а доски под ступнями — ледяными, будто ночью дом приподнимали и подсовывали под него мокрую простыню.

Он стал спать в носках. Потом достал второе одеяло и поставил электрический обогреватель, который нашёл в сених. Тот гудел, пах пылью и за целый день мог нагреть только угол возле дивана. Стекло у окна оставалось мокрым.

Когда принесли квитанцию за электричество, Егор долго смотрел на цифры. Он уже знал, что платить нужно. Это знание не делало платёж приятнее.

Дрова он покупал в конце октября. Татьяна дала номер, по которому ответил раздражённый человек. Спросил, какой объём, какие нужны, сухие ли. Егор не знал, что ответить, и сказал: «Обычные». Человек объяснил, что обычных дров не бывает, есть разные.

— Мне топить, — сказал Егор.

На том конце помолчали.

— Это я догадался.

Машина приехала через три дня. Дрова вывалили у ворот, перекрыв дорожку. Пока водитель разворачивался, Егор пытался понять, много привезли или мало. В кузове количество выглядело значительнее. Ему выписали бумажку, взяли деньги и посоветовали убрать под крышу.

К вечеру он перенёс примерно четверть. Брал по одному полону, потом понял, что нужно складывать на руку. Кора засыпалась в рукав, цеплялась за воротник. От непривычной работы становилось жарко. Он снял куртку, остался в тонкой кофте и через полчаса промёрз, хотя всё ещё таскал.

Под крышей места не хватало. Леонид хранил в сарае ржавую сетку, куски шифера, пустые бутылки и какие-то ящики. Чтобы поставить дрова, нужно было сначала вынести всё это. Егор сдвинул вещи к дальней стене, порезал палец о край железа, долго искал пластырь. Остальную кучу накрыл плёнкой.

Ночью пошёл дождь. Утром плёнка лежала в канаве.

Он смотрел на потемневшие дрова и чувствовал себя обманутым. Кем именно, сказать было трудно.

С печью помог мужчина с соседней улицы, которого прислала Татьяна. Звали его Анатолий. У него не хватало двух верхних зубов, но улыбался он часто и совершенно не стеснялся этого. Осмотрел топку, проверил дымоход, показал, на что смотреть перед растопкой. Егор слушал внимательно и запомнил гораздо больше, чем когда ему объясняли платежи: здесь результат можно было почувствовать кожей.

— За печью следить надо, — сказал Анатолий. — Она сама о себе не скажет.

— Я понимаю.

— Ну и хорошо. Позовёшь, если не разберёшься. Только позовёшь, а не будешь геройствовать.

Он отказался от денег, взял чай и две конфеты из жестяной банки. Егор предложил ещё, но Анатолий сказал, что ему к своим пора.

Эта фраза потом долго стояла в голове. К своим. В ней было обозначено место, существующее без дополнительных объяснений.

Впервые нормально протопив, Егор почувствовал счастье. Тепло расходилось медленно. Сначала стало хорошо стоять у печи, потом перестали мёрзнуть руки за столом. Стена у изголовья дивана осталась холодной, и он отодвинул от неё подушку. По комнате разошёлся сухой запах нагретой штукатурки.

Он сел на пол, прислонился к печному боку и уснул раньше обычного.

Проснулся ночью. В комнате было тепло и тихо. Телевизор показывал без звука. На экране мужчина ехал в машине по чужому освещённому городу. Егор поднялся, выключил аппарат и перенёс подушку обратно. В темноте чувствовалось присутствие большой тёплой вещи, которую он сам заставил работать.

Но к утру тепло уходило. Дрова требовались снова. Каждый день.

С водой было хуже. До колонки нужно было идти через два переулка. Летом дорога казалась короткой; теперь на ней лежала вязкая глина, которая увеличивала вес сапог при каждом шаге. Егор сначала носил воду в ведре, потом купил две канистры. Одна постоянно била по колену. Чтобы удержать обе, приходилось останавливаться и менять руки.

Он научился наливать в чайник только нужное количество. Мыть посуду сразу, пока еда не присохла. Сохранять немного воды с вечера, потому что утром выходить особенно не хотелось. Эти навыки не складывались для него в какую-то общую науку. Он просто делал так, как оказалось легче.

В конце ноября уехала Галина. Постучала в окно, позвала наружу и оставила пакет яблок.

— Подмёрзли немного, но на кашу пойдут. Ты печь проверял?

— Проверял.

— Смотри за собой. Зимой здесь пусто.

Она хотела сказать что-то ещё, но посмотрела на мокрую дорожку, на поленницу под рваной плёнкой и только вздохнула.

— Телефон запиши. И Татьяна если что знает, как меня найти.

Егор записал.

Когда Галина ушла, он занёс яблоки в дом. Одно сразу разрезал: под кожицей мякоть стала прозрачной. Он откусил, сморщился, выбросил. Остальные оставил в пакете у окна. Через неделю пришлось выбросить весь пакет; на подоконнике остался липкий след.

Осень закончилась без заметного события. Просто однажды глина подмёрзла, и идти к колонке стало легче. Вечером выпал снег. Телефон сообщил о каком-то городском празднике, но здесь весь праздник состоял в том, что снег скрыл мусор и кривые доски у ворот.

Егор смотрел в окно. В доме напротив светились два окна. На следующей улице ещё одно. Остальные дома стояли тёмными.

Он пересчитал оставшиеся дрова. Не целиком, только прикинул. Результат не понравился, и пересчитывать точнее он не стал.

Глава 8

Когда телевизор молчит

Снег менял расстояния. Остановка, магазин, колонка — всё оставалось на прежнем месте, но путь между ними становился отдельным делом, к которому нужно было собраться. Егор научился смотреть на улицу, прежде чем одеваться. Если ветер гнал снег поперёк двора, он сначала кипятил чайник и убеждал себя, что воды пока хватает.

Однажды не хватило.

В канистре осталось на полкружки. Он наклонил её, выжал последние капли, выпил. Потом долго стоял возле двери, держа сапоги в руках. За окном было бело и почти ничего не видно. Он чувствовал злость на человека, который должен был вчера принести воду. Злился совершенно по-настоящему, хотя этим человеком был он сам.

Тропинку пришлось расчищать лопатой. Под снегом нашлась та, которую он поставил в калитку ещё летом. Деревянный черенок отсырел, оставлял занозы. Егор копал короткими рывками. Сердце стучало в горле, дыхание горело в груди. В какой-то момент он увидел за собой ровный неглубокий проход и неожиданно обрадовался: сделал что-то, и это осталось видно.

Через час ветер занёс половину.

К Новому году снег затвердел. На нём держались следы птиц и редкие кошачьи цепочки. По вечерам село становилось синим. Егор иногда выходил на крыльцо просто посмотреть: городское небо он помнил мутным и низким, здесь звёзды висели над крышей близко, с непривычной отчётливостью.

Но стоять без дела было холодно, и он быстро уходил.

На праздник купил салат из кулинарии, колбасу и маленькую бутылку сладкого газированного вина. Татьяна спросила, приедет ли кто-нибудь. Егор ответил, что пока не знает.

Вечером вымыл тарелки, которыми пользовался редко. Нарезал хлеб, поставил колбасу, открыл салат. Увеличил громкость телевизора. Там люди сидели за большим столом, перебивали друг друга, смеялись чуть раньше, чем становилась понятна шутка. Их смех заполнял комнату достаточно убедительно, чтобы можно было не замечать вторую половину стола.

Он написал Серёге. Тот ответил фотографией: чужая квартира, ёлка, чьи-то колени возле низкого столика. Подпись: «С праздником, брат».

Егор посмотрел на фотографию и поставил большой палец вверх.

Надежде Викторовне позвонил сам. Долго слушал гудки. Когда она ответила, на заднем плане закричали дети.

— Егор! Я тебя не сразу услышала. Ты как?

— Нормально. С Новым годом.

— И тебя, родной. Где встречаешь?

Он посмотрел на окно, в котором отражался край стола.

— Дома.

— Один?

— Пока да. Потом, может, ребята подъедут.

Она не ответила сразу. Он испугался, что сейчас она спросит подробнее, и пожелал ей здоровья, всего хорошего, чтобы дети слушались. Быстро попрощался.

Бутылку открыл неудачно. Пена облила пальцы, попала на табурет. Он вытер рукавом. Выпил стакан, второй, почувствовал неприятную тяжесть и решил больше не пить. Салат почти не тронул. Долго выбирал фильм, потом обнаружил, что всё равно смотрит очередную концертную программу.

В печи мягко потрескивали дрова.

После полуночи кто-то запустил несколько петард возле магазина. Егор вышел на крыльцо, ожидая увидеть людей, но было далеко и темно. Небо на секунду осветилось зелёным, затем снова стало звёздным.

Он постоял, сунув руки в карманы, и вернулся.

В январе простудился. Два дня провёл под одеялом, то засыпая, то просыпаясь от сухости во рту. Пришлось заставить себя сходить за водой, пока ещё мог. Татьяна заметила, как он выглядит, дала телефон фельдшерского пункта и велела не тянуть, если хуже. Он позвонил, выслушал, что делать и когда обращаться за помощью, потом лёг и некоторое время чувствовал себя менее одиноким, потому что кто-то уже знал о его температуре.

Ночью проснулся от тишины.

Погасло электричество. Перестал работать холодильник, исчезло синеватое мерцание. Сначала Егор подумал, что оглох на одно ухо: мир сделался непривычно плоским. Потом услышал ветер у карниза и понял.

На телефоне оставалось немного заряда. Он включил фонарик, нашёл свечу в кухонном ящике, поставил на блюдце. Комната в жёлтом свете выглядела старше. На стене проступили неровности, которых не было видно днём. Мимо окна дважды прошла длинная тень яблоневого ветки.

Егор лёг, но уснуть не мог. Без телевизора мысли стояли близко. Вспомнился коридор учреждения ночью: зелёная стена, дежурная лампа, запах мокрого пола. На дверях некоторых комнат висели рисунки. Он помнил, как в младшей группе по субботам прислушивались к машинам под окнами. Забирали не всех, иногда только одного ребёнка, но всякий раз несколько человек шли к окну.

Он когда-то тоже шёл. Потом научился оставаться на кровати, чтобы никто не заметил ожидания.

Егор невесело усмехнулся. Двадцать лет, собственный дом — а лежит и слушает дорогу. Ехать сюда было некому.

Егор взял телефон. В списке нашлись Галина, Татьяна, Надежда Викторовна, Серёга. Звонить среди ночи из-за того, что погас свет, было глупо. Он открыл сообщения, набрал «ты спишь?», стёр. Убрал телефон под подушку и снова посмотрел на свечу.

Свеча постепенно стала ниже. На блюдце образовалась жёлтая лужица. Он следил, как она застывает по краям, и впервые за много недель не хотел, чтобы утро наступало позднее. Утром можно было пойти в магазин. Там будет Татьяна, звякнет касса, кто-нибудь скажет, когда дадут свет.

Электричество появилось перед рассветом. Холодильник щёлкнул и загудел. В комнате зажглась забытая лампочка. Егор протянул руку, нашёл пульт и включил звук, совсем тихо.

Проспал потом почти до вечера.

В феврале денег осталось меньше половины первоначального запаса. Он объяснил себе, что зимой всегда дороже, а весной станет легче. Весна представлялась временем, когда вещи сами начнут устраиваться: потеплеет, дороги просохнут, люди вернутся, можно будет подумать о работе.

На стекле росли мутные полосы от сырости. Егор протирал их рукавом, смотрел на снег и ждал.

В марте он съездил в город. Объявление о работе нашёл на телефоне ночью: склад, смены, ничего особенного не требовалось. Собрался с вечера, вымыл обувь, положил документы. Утром добрался до остановки раньше автобуса и стоял в холодном свете, слушая, как вода подтаивает под тонким снегом.

На складе пахло картоном и пылью. Мужчина за столом спросил, где Егор работал раньше. Тот рассказал про мастерскую, сказал, что не подошёл график. Пока произносил, слышал собственную неубедительность.

— Таскать придётся, — сказал мужчина. — Не просто сидеть.

— Я понимаю.

— У нас молодые приходят, неделю посмотрят и исчезают. Ты надолго?

Егор ответил, что да. Будто теперь предстояло отработать ещё и за всех молодых, которые когда-либо уходили со склада. Мужчина выдал анкету, попросил заполнить и объяснил, куда принести её потом.

Но Егор уже успел представить первый окрик. Не тот ящик, не та подпись, опять люди будут смотреть. Прежде чем что-нибудь случилось, он устал от предстоящего стыда.

В анкете оставил несколько пустых строк. Сказал, что уточнит и вернётся. Выйдя на улицу, некоторое время стоял у стены, ожидая, что его окликнут. Не окликнули. От этого облегчение оказалось ещё и обидным: можно уйти, и никому особенно не важно, придёшь ли обратно.

До автобуса оставалось много времени. Он пошёл пешком по незнакомому району, купил пирожок, съел на ходу. В витрине магазина отражался молодой мужчина, который выглядел вполне способным жить. Куртка, телефон, документы в кармане. Ничего такого, по чему прохожие могли бы понять, что внутри нет простого порядка действий.

На автостанции увидел пожилую женщину с двумя тяжёлыми сумками. Одна порвалась возле ручки, на пол покатались яблоки. Люди обошли. Егор сначала тоже двинулся дальше, потом вернулся, поднял несколько штук и положил в другую сумку.

— Спасибо, сынок, — сказала женщина.

Он кивнул. Помог донести до автобуса, подержал, пока она забиралась. Она хотела дать яблоко, но Егор отказался слишком резко. Не потому, что не хотел. Слово «сынок» сделало обыкновенную помощь странно дорогой.

В своём автобусе сидел у окна. Сначала злился на складского человека, потом на себя, потом устал злиться. За городом снег лежал неровно, тёмные полосы земли открывались возле дорог. По мере приближения к Липовому Яру тревога уменьшалась. Там можно было закрыть дверь, включить телевизор и несколько часов не чувствовать, что опять не вернулся.

Дома анкету положил в ящик. В тот же, где лежали старые счета и ненужные памятки. У каждой бумаги была своя причина оказаться там, а вместе они составляли одно место, в которое он старался не смотреть.

Вечером вспомнил женщину с яблоками. Наклонился, собрал, донёс — и помог. Никто не спрашивал, что он умеет и где работал.

Егор полежал, глядя в потолок. Попробовал представить всю жизнь такими действиями, но не смог: их было слишком много, и он не знал, какое первым. Телевизор говорил уверенно, без заминок. Он повернул голову к экрану.

К ночи пошёл мокрый снег. За окном потемнело. Егор достал из шкафа тёплые носки, поставил возле печи сапоги и решил, что о работе снова подумает, когда дороги станут лучше.

Глава 9

Всё ещё можно потом

Сначала из снега вылезло ведро.

Оно стояло под сливой, наклонившись к забору, и было до краёв наполнено тёмной водой. Егор не сразу вспомнил, зачем принёс его туда. В воде плавали листья и что-то серое, не похожее уже ни на ос, ни на траву. Он взял ведро за ручку, вылил содержимое, посмотрел на чёрный след на снегу.

На этом весенняя уборка в первый день закончилась.

Весна торопилась. Глина набухла, на дорожке появились новые промоины, под крышей закапало. Земля, ещё недавно покрытая ровным белым, обнаружилась с прошлогодним мусором, поленьями и тёмными кучами травы. Участок сделался хуже, чем осенью: за зиму Егор успел забыть его настоящее состояние.

Он составил список.

Листок нашёлся в ящике стола. На обратной стороне было старое расписание автобусов. Егор написал: «Крыша. Забор. Дрова. Работа». Последнее слово подчеркнул. Несколько минут смотрел, почувствовал полезную усталость и отложил лист, решив начать в понедельник.

В понедельник шёл дождь.

Потом нужно было съездить в город за недорогой обувью. Потом заболел живот. Потом на улице начался ветер, при котором невозможно нормально чинить крышу. Егор следил за прогнозом и всякий раз находил в нём подтверждение, что выбрал разумный день для ожидания.

В апреле приехала Галина. Отперла свой дом, вынесла одеяла на верёвку, открыла окна. К вечеру у неё на дорожке уже стояли мешки с мусором. Она работала без громкого намерения работать: выходила за одним, по дороге поднимала другое, возвращалась с третьим. Егор наблюдал из окна и думал, что ей просто нравится такая жизнь.

Через несколько дней встретились у магазина.

— Перезимовал, значит, — сказала Галина.

— А куда бы делся.

Она посмотрела на него, потом перевела взгляд на покупки.

— Земля отходит. Ты хоть картошку воткни. Не всё же в магазине брать.

— У меня там копать надо.

— Конечно надо.

Егор ждал, что она предложит способ без копания. Галина ничего больше не сказала, взяла сумку и пошла к остановке.

В мае возле её дома появились ящики с рассадой. Поздним утром за ней приходили женщины, выбирали стаканчики, спрашивали сорта. Галина отвечала подробно и сердито, если один и тот же вопрос задавали второй раз. Иногда мужчины приезжали на машинах, грузили ящики в багажники. Егор приблизительно считал выручку из своего окна.

Впервые за долгое время он заинтересовался чем-то, что находилось за пределами экрана.

— Сколько у вас это стоит? — спросил он однажды.

Галина назвала цену.

— За штуку?

— За штуку.

— А дорого чего так?

Она поставила стаканчик обратно и выпрямилась.

— Ты попробуй вырастить. Потом скажешь.

Он пожал плечами, сделал вид, что спрашивал из праздного интереса. Мысль о том, что у него пропадает земля, возникла, но не задержалась. Чтобы заниматься рассадой, нужно было знать то, что Галина уже знала. Он не представлял, как войти в дело, у которого, кажется, нет первого понятного действия.

В конце мая на соседнем участке открыли ставни.

Приехал небольшой грузовик. Несколько часов мужчины носили мебель и коробки. Егор увидел старого хозяина: сухой, невысокий, в светлой кепке. Тот двигался быстро, придерживал тяжёлое у двери и раздражался, если молодые грузчики предлагали ему отойти. В сарай закатили мотоцикл с коляской. Мотоцикл был накрыт серым чехлом, но на повороте открылась часть блестящего обода.

Егор подумал, что такую вещь неудобно хранить. Занимает полсарая.

Хозяин несколько раз оставался ночевать, затем снова уезжал. Однажды утром из-за забора донёсся резкий куриный голос. Егор вышел посмотреть. Во дворе сосед устроил небольшую загородку; куры уже исследовали землю, деловито разгребая прошлогоднюю листву.

— Доброе, — сказал старик.

Егор ответил и сразу вернулся в дом, потому что был в майке с пятном.

Денег оставалось мало. Он научился выбирать самую недорогую пачку, покупать меньше колбасы, дольше пользоваться одним пакетом. Но общая экономия получалась странной: мог пожалеть мелочь на морковь и тут же купить печенье, потому что иначе день будет совсем пустой.

Однажды в магазине не хватило денег на всю выбранную еду. Остаток был на другой карте, телефон разрядился. Татьяна сказала, что можно занести позже, но Егор вдруг резко отказался. Стал выкладывать покупки обратно. Убрал печенье, затем тушёнку. За спиной ждал мужчина, и казалось, что он следит за каждым движением.

Домой Егор пришёл злой.

Из соседского двора пахло жареной рыбой. Старик стоял возле сарая, держал короткую доску. Увидел Егора и кивнул в его сторону.

— Слышь, хозяин. На минутку подержать сможешь?

Егор уже набрал в грудь воздух для отказа. Потом подумал о магазине, о том, как неловко выглядел, и поставил пакет на крыльцо.

— Что держать?

Глава 10

Сосед, который рано встаёт

Доску нужно было прижать к стойке. Старик приложил её, отступил, посмотрел с прищуром и попросил чуть выше. Егор поднял. Сосед снова посмотрел.

— Вот. Теперь не дёргайся.

Пока он сверлил, Егор разглядывал двор. Куры собрались у низкой кормушки. У двери стояли сапоги, поставленные ровно, носками наружу. На стене сарая висели инструменты и связка коротких верёвок. Всё здесь недавно было в работе и скоро должно было понадобиться опять. Даже старое железное корыто, перевёрнутое у яблони, стояло у места для купания кур в золе.

— Давно здесь? — спросил старик, выключив дрель.

— С прошлого мая.

— Целый год, значит.

Егор кивнул.

— Не виделись толком. Я зимой в городе. Был. Теперь, похоже, насовсем. Николай Петрович.

Он протянул руку, сухую, жёсткую, с тёмной полосой возле ногтя. Егор пожал.

— Егор.

— Я знаю. Леонид говорил. Молодой парень, говорит, будет жить. А я смотрю — молодой-то всё дома. Думал, работа у тебя такая, в компьютере.

— Пока не работаю.

Николай Петрович не стал спрашивать почему. Проверил крепление и велел отпустить доску. Егор опустил руки. В плечах стало свободнее.

— Спасибо. Что посадил?

— Ничего.

Старик посмотрел через забор на его участок.

— Там у тебя, я вижу, другое направление. Травы лекарственные.

Егор не понял, смеяться ли.

— Не успел пока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.